

И. Д. Осипов

**ПО ТУ СТОРОНУ ЛИБЕРАЛИЗМА И КОНСЕРВАТИЗМА:
СОЦИАЛЬНЫЕ ИСКАНИЯ В. С. СОЛОВЬЕВА
(К 150-летию со дня рождения)**

В статье анализируется социально-философская концепция великого русского мыслителя В.С. Соловьева. Рассматривается его философия всеединства, учение о богочеловечестве, философия хозяйства и права. Отмечается важность идей Соловьева для русской философии и социологии и их значимость для современного этапа развития русской культуры.

Творчество великого русского мыслителя Владимира Сергеевича Соловьева* является вершиной отечественной философии, высшим пунктом ее развития, в полной мере выявляющим особенности национального культурного синтеза. Социальные искания Соловьева затрагивали широкий круг проблем: его интересовали как конкретные вопросы преобразования российского общества, так и кардинальные проблемы развития человечества. Талант публициста, писавшего по насущным социальным и политическим темам, органично соединялся в нем с мастерством метафизика, разрабатывающего стройную систему философских аргументов. Воззрения философа оригиналь-

* Соловьев родился 16 января 1853 г. в семье известного историка С.М. Соловьева. Пережив в годы учебы в гимназии (1864–1869) сильное увлечение материалистическими и социалистическими проблемами, что в 1869 г. Соловьев поступил на физико-математический факультет Московского университета. Однако на втором курсе, поняв ошибочность своего выбора, он перешел на историко-филологический факультет. Окончив в 1873 г. университет, он оставляет при нем для приготовления к профессорскому званию. В 1874 г. он защитил в Петербурге магистерскую диссертацию «Фри-

ны, и их нельзя отнести к какому-либо известному политическому направлению. «Как политик и публицист Соловьев не может быть назван ни социалистом, ни индивидуалистом, ни консерватом, ни либералом, потому что он видит правду в каждом из этих противоположных направлений и пытается объединить их в органическом синтезе», — писал Е.Н. Трубецкой [1, с. 90]. Ничто так не раздражало Соловьева, как идолопоклонство. Он критиковал либерализм как одностороннее учение, не отражающее истинных, духовных задач и целей развития человечества, не способное выразить противоречивость природного и духовного бытия личности. Критике подвергался и отечественный консерватизм за непонимание важности для России общечеловеческого социально-нравственного прогресса, ценности личных прав и свобод. Хотя взгляды Соловьева в разные периоды жизни изменялись, он оставался безусловным противником реакционной политики Александра III и К.П. Победоносцева, приветствовал реформы Александра II, выступал сторонником предоставления всем широких и равных прав (свободы личности, слова, совести, неприкосновенности личности). При всей своей глубокой и искренней религиозности Соловьев был далек от клерикализма и выступал за веротерпимость, за связь религии с умственным просвещением и общественным прогрессом.

В социологии Соловьева развивались традиции религиозного органицизма. В своих исследованиях он следовал органическому методу, суть которого заключалась в раскрытии единства социального бытия, которое им понималось в контексте высших нравственно-религиозных ценностей. «Целое первее своих частей и предполагается ими. Эта великая истина, очевидная в геометрии, сохраняет всю свою силу и в социологии <...> Конт как основатель социологии не упускает заметить, что человечество разлагается сначала на общины, потом на семьи, но никогда на отдельные лица», — писал он [2, с. 570]. Органический метод Соловьева был тесно связан с историзмом, стремлением в прошлом найти объяснение развитию социальных процессов, на основе синтеза истории, социологии и философии осуществить всесторонний анализ культурной истории человечества.

Важнейшей задачей Соловьева была разработка христианской социальной философии. С обоснованием актуальности христианского вероучения в новых исторических условиях посвящены сочинения «Оправдание добра», «Чтения о богочеловечестве», «Нравственность и право», «Духовные основы жизни», «История и

зис западной философии (Против позитивистов)», которая вызвала одобрение славянофилов и критику западников. В декабре 1874 г. Соловьев избран доцентом Московского университета, но в феврале 1877 г. он выходит в отставку и переезжает в Петербург, где служит членом Ученого совета при министерстве народного просвещения, ведет активную преподавательскую деятельность в Петербургском университете и на Высших женских курсах. В это же время публикует работу по социально-философской теме «Чтения о Богочеловечестве» (1877–1881). В 1880 г. защищает докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал». 6 января 1881 г. Соловьев подает в отставку, после чего начинается новый период его жизни, отмеченный интенсивной научной и публицистической деятельностью. Он печатается в разных изданиях: «Русский Вестник», «Православное обозрение», «Русь», «Вестник Европы» и др.; публикует книги «Духовные основы жизни» (1882–1884), «История и будущность теократии» (Загреб, 1885–1887), «Русская идея» (Париж, 1888), «Россия и вселенская церковь» (Париж, 1889), переводит Платона, ведет философский отдел в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона. Фундаментальным и обобщающим трудом Соловьева была работа «Оправдание добра» (1894–1899), в которой разработана оригинальная нравственная философия. Умер он 31 июля 1900 г. в подмосковном имении Узкое среди своих друзей князей С.Н. и Е.Н. Трубецких.

будущность теократии», «Великий спор и христианская политика», «Россия и Вселенская церковь», а также последняя книга «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Развернутая в этих трудах концепция, являясь отражением философских и религиозно-нравственных убеждений мыслителя, в то же время преследовала и вполне практические цели: преодоление себялюбия и эгоизма в обществе, осуществление христианских идеалов в сфере политики, права и хозяйства. Нравственно-религиозный критерий позволял ему выявить истинность и справедливость социальных отношений, оправдать либо осудить их. Согласно Соловьеву, всякий общественный союз возникает на базе нравственного принципа предшествующего ему союза. Добро или высшее благо, абсолютно существующее — направляющее начало исторического процесса. «Внутренние основы добра в человеке не зависят сами по себе от формы общества». Предмет человеческой воли в ее чистом содержании составляет общественное (объективное) благо, моментами которого выступают формальное (материальное) благо, абсолютное существование и справедливость. Из стремления человека к объективному благу проистекают все формы общественных союзов. Так из стремления к формальным благам возникает государство, из влечения к вечной жизни — духовное общество, а из стремления к справедливости — право. Соловьев пытается обосновать наличие реальной духовной основы общества, видя ее в неизбежности осуществления нравственной организации человечества — Богочеловечестве. В своем учении о Богочеловечестве Соловьев преодолевает, с одной стороны, крайности социализма, утверждающего первичность общественного бытия, социальных и материальных ценностей, а с другой — либерализма, придающего личности абсолютное значение.

Он отмечал, что субъектом исторического развития является действительный, хотя и собирательный организм; человечество как целое является единством, обладающим более высокой и значимой реальностью, нежели нация и государство. Процесс совершенствования человека лежит в основе процесса собирания вселенной, восхождения к всеединству: от минерального царства к растительному, от него к животному, затем наступает природно-человеческое царство, наконец, царство духовно-человеческое. В человечестве личность и общество образуют духовное единство. Личность есть полнота, но для завершения этой полноты она нуждается в обществе. Общество есть полнота, но завершение этой полноты заключено в человечестве. «Общество есть дополненная, или расширенная личность, а личность — сжатое, или сосредоточенное, общество» [3, с. 286]. Истинные социальные отношения, согласно Соловьеву, должны быть построены по принципу сочетания — сизигии. Он пишет: «Не подчиняться своей общественной сфере и не господствовать над нею, а быть с нею в любовном взаимодействии, служить для нее деятельным, оплодотворяющим началом движения и находить в ней полноту жизненных условий и возможностей — таково отношение истинной человеческой индивидуальности не только к своей ближайшей социальной среде, к своему народу, но и ко всему человечеству» [4, с. 353].

Соловьев выделяет три ступени развития человечества. Первая — экономическая — начинается с семьи, где преобладают материальные потребности. Следующая — политическая: общение всех индивидуумов между собой; самая высокая ступень — духовное общение, то есть церковь. В трансформации социальных целей существует последовательность, проявляемая в переходе от целей природ-

ных, материальных к целям цивилизационным и далее к духовным целям. Ответственный прогресс все интенсивнее проявляет духовные и нравственные начала в государстве, праве и хозяйственной жизни. Жизнь всякого разумного общества, согласно Соловьеву, определена тремя главными условиями. Во-первых, необходимостью обеспечивать свое материальное существование — жить естественной жизнью. Во-вторых, потребностью в средствах для развития, создаваемой городской цивилизацией, обеспечивающей искусственную жизнь общества. И, наконец, стремлением к достижению высшей цели, что подразумевает существование духовной жизни. В соответствии с данными условиями общество состоит из трех классов: сельского, городского и класса людей, занятых духовной деятельностью (общественных деятелей и вождей народа). В целом в историческом прогрессе проявляется действие общего закона универсализации: первоначальное родовое единство, сохранившееся в семье, уступает свое место национальному государству, которое впоследствии сменяется всемирностью.

Социология Соловьева исходит из утверждения ценности свободной личности и ее достоинства. «Принцип человеческого достоинства, или безусловное значение каждого лица, в силу чего общество определяется как внутреннее, свободное согласие всех, — вот единственная нравственная норма» [3, с. 347]. Сущность свободы заключена в добровольном выборе человеком божественной цели, по отношению к которой даже свобода играет подчиненную роль. Она «не определяет цель», а только выражает «способ действия», играет роль средства для ее осуществления. Внутренняя свобода, то есть добровольное и сознательное предпочтение добра злу во всем, есть главное принципиальное условие всякого добра. Согласно Соловьеву, свобода безусловна, и не задана изначально, она возникает в процессе постепенного совершенствования человека и его восхождения к Богу. В Боге — основа свободы и ее исток, ибо Бог свободен от всякой детерминации и в нем свобода и необходимость совпадают. Соловьев при этом подчеркивает, что свобода не освобождает никого от обязанностей перед людьми, а напротив, предполагает выполнение человеком своих социальных обязанностей. Человеческая личность самоценна, поэтому свобода одного определена свободой другого, однако человек должен относиться к другим «не как к границе своей свободы, а как к ее содержанию и объекту».

Соловьев критикует крайние теоретические позиции в исследовании политики и государства: анархизм и этатизм. В отличие от анархистов философ видит в государственной деятельности важнейшее условие культурного прогресса человечества, основанного на сложном сотрудничестве многих сил. «В государстве впервые являются солидарно действующие человеческие массы» [3, с. 467]. Политическое общество, или государство является основной формой общества. Именно оно определяет отношения людей не к внешней природе, а друг к другу непосредственно, и если задачей экономического общества является организация труда, считает Соловьев, то цель политического общества есть организация трудящихся. Государство и право представляют собой формы преодоления природного эгоизма личности. «Вообще государство представляет собой устой (status) человечества против внешних стихийных сил, действующих на него и в нем. Для такого устоя необходимо объединение самих человеческих сил, а объединение предполагает подчинение. Поэтому государство, выражая человеческую самостоятельность в общем, вместе

с тем требует строгого подчинении частных сил. Так всегда было и будет, и разница только в свойстве и образе этого подчинения» [5, с. 127]. Государственные повинности служат общественному благосостоянию, и граждане обязаны выполнять свой гражданский и патриотический долг, даже при несогласии с частными вопросами государственной политики. Руководящие принципы политики — долг и обязанность, служение обществу и государству. Оправдывая государство, Соловьев отмечает, что оно занимает срединное положение между церковью и обществом, а государственная власть выступает удерживающей силой зла до тех пор, пока «все человеческие воли не созреют для решительного выбора между абсолютным добром и безусловным злом». Соловьев видел нравственный смысл государственной деятельности в борьбе со злом, которая допускает в случае необходимости применение силы. В этой связи он критикует учение Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием, ибо только доброта, по его мнению, не может устранить зло, мы не имеем права «всегда и без разбора давать волю добрым чувствам». Государство призвано обеспечивать жизнь людей в мире относительных, а не абсолютных ценностей, оно является важнейшей формой восполнения частной жизни, «определенным образом организованное в отечестве».

Соловьев указывает на специфику возникновения различных государственно-правовых форм. На Востоке государство означало только господство, патриархальное или основанное на завоевании. Там вследствие духовного склада и мирозерцания народов политическая борьба могла быть только случайным явлением. «Восточный человек — квиетист и фаталист по натуре — неспособен настаивать на своих правах и бороться за них». На Востоке кто силен — тот и прав. Западное государство строится на противоборстве разных социальных сил. каждый выставляет свое право, но эти права, сами по себе неопределенные и безграничные, а потому исключают друг друга, могут уравновеситься только под условием общего для них предела-закона. «Западное государство, как равновесие борющихся прав, есть по преимуществу государство закона» [5, с. 128]. В древнем Риме была реализована идея абсолютного государства, которая со временем пришла в тупик и уступила свое место принципу христианского государства. В нем существующие права даны не из безграничного эгоизма, а из нравственной бесконечности человека. Тем самым, согласно Соловьеву, христианское государство соединяет в себе черты восточного и западного государств.

Соловьев критикует также этатизм, абсолютизирующий и отделяющий политику от других сфер культуры. По его мнению, не любая государственная власть нравственно оправдана, для этого она сама должна приблизиться к образу христианского государства, иначе власть государства превращается в насилие, разъединяющее людей. «В действительности все общечеловеческие дела — политика, наука, искусство, общественное хозяйство, находясь вне христианского идеала, вместо того, чтобы объединять людей, разрознивают и разделяют их, ибо все эти дела управляются эгоизмом и частной выгодой, соперничеством и борьбой и порождают угнетение и насилие», — пишет он [6, с. 303]. Политика должна быть нравственной и определяться универсальными нравственно-религиозными ценностями, способными объединять людей. Нравственная политика реализуется как в отношении отдельного человека посредством обеспечения государством его достойного существования, так и на международном уровне: нравственный закон

един и для индивидуума, и для народа в целом. «Здравая политика, — полагает он, — лишь искусство наилучшим образом осуществлять нравственные цели в делах народных и международных, руководящим мотивом политики должны быть не корысть и не самолюбие национальное, а долг и обязанность. Высший нравственный идеал требует, чтобы мы любили всех людей, как самих себя, но так как люди не существуют вне народностей (как и народность не существует вне отдельных людей) и эта связь сделалась уже нравственной, внутренней, а не физической только, то прямой логический вывод отсюда есть тот, что **мы должны любить все народности как свою собственную**» [3, с. 378]. Соловьев полагал, что христианство не упраздняет национальностей: сверхнародность не есть безнародность. Но только в свершении великого дела — создании всечеловечества — народ сохраняет свою душу.

Высшими религиозными интересами христианского государства являются: распространение христианства в мире, мирное сближение народов, а также организация общественных отношений каждого народа в соответствии с христианским идеалом. От церкви государство получает высшую цель и положительный смысл своей деятельности. Соловьев подчеркивает, что церковь по своей природе — учреждение наднациональное и «должна вообще иметь власть независимую и стоящую выше власти Государства» [7, с. 158]. Церковь не вмешивается в государственные и экономические дела, но дает государству и земству — гражданскому сообществу высшую цель и безусловную норму их деятельности. При этом в отношениях христианского государства и церкви действует принцип различения двух сфер жизни: религиозной и политической. Совместные усилия церкви и государства приводят к тому, что государство, следуя христианским началам жалости и сострадания, создает материальные предпосылки для общественного развития, церковь же заботится о внутреннем духовном и нравственном исправлении человека. Государство, возвышая религию над собой, тем самым освобождает общество от государственного всевластия и образует свободное самодеятельное общество.

Идеалом Соловьева является свободная теократия — высшая цель развития христианского государства и нормального общества, где свершилось единство духовной и светской власти, личности и государства. Общее представление о теократии сложилось у него в конце 1870-х гг., а в первой половине 1880-х гг. Соловьев разворачивает теократическую идею в подробное и аргументированное учение о вселенской церкви во главе с римским первосвященником — папой. По мнению Соловьева, теократия уже существовала в древнееврейском государстве, а в древнем Риме теократический принцип общества состоял в обожествлении республиканской и императорской власти. Христианство нанесло удар первоначальной теократии; христиане, считая государство только репрессивной силой, отняли у него положительное духовное содержание. Это привело к противостоянию церкви и государства: в Византии за счет поглощения государством церкви, а на Западе путем присвоения церковью государственных функций. В последующем произошел и раскол между земством (экономическим и гражданским обществом), с одной стороны, властью и церковью, с другой. Нормальные отношения в общественной сфере, согласно Соловьеву, определяются тем, что «духовное общество, или церковь, в свободном внутреннем союзе с обществами политическим и экономическим образует один цельный организм — **свободную теократию или цельное общество**. Цер-

ковь как таковая не вмешивается в государственные и экономические дела, но дает государству и земству высшую цель и безусловную норму их деятельности» [8, с. 175]. Сущность теократии — «соединение человека с Богом через жертву в милости, через подчинение в свободе» [9, с. 166]. В свободной теократии первосвященитель церкви — вершина благочестия, он представляет духовное отечество, указывает путь развития народа и раскрывает цели Божии. Он не может судить кого-либо и передоверять принудительную власть христианскому государю, который является вершиной милости и правды. Христианский государь со своей стороны не может вмешиваться в дела веры и совести. Их отношения строятся так, что царь полноту своей власти освящает авторитетом первого, а первосвященитель осуществляет свою авторитетную волю не иначе как через полномочия царя.

Союз двух властей, по мнению философа, чреват возможными расхождениями, и поэтому требуется третья сила, способная осуществить внутренний, нравственный контроль за царем и первосвященителем, так как внешние ограничения несовместимы с достоинством первосвященительского авторитета и царской власти. Такой силой является пророк — «вершина стыда и совести народа». «Истинный пророк есть общественный деятель, безусловно, независимый, ничего внешнего не боящийся и ничему внешнему не подчиняющийся». Он носитель безусловной свободы и власти, которая не может принадлежать толпе и демократии. Он, с одной стороны, первая власть, а с другой — лишь третья, обусловленная другими властями. С точки зрения Соловьева, различие между тремя «служениями» состоит в том, что священническое сильно главным образом благочестивой преданностью истинным преданиям прошлого, царское — верным пониманием истинных нужд настоящего, а пророческое — верой в истинный образ будущего. Философ надеется, что в условиях свободной теократии осуществится «единство без смешения и различие без разлучения». «Религиозная общность и нравственная солидарность трех верховных властей под безусловным первенством вселенского первосвященничества, — вот верховный закон, окончательный идеал Христианства как общества», — пишет он [7, с. 408]. Здесь нация, общество и индивид обретают внутреннюю ценность, не позволяющую превращать их в простое средство, и осуществляется «спасение всех людей без различия, преобразование всего этого мира в одно царское и пророческое священство, произойдет соединение всех христианских конфессий в рамках Вселенской церкви».

От России, считает он, требуется «обращение всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где каждое из трех органических единств, церковь, государство и общество, безусловно, свободно и державно, не в отъединении от двух других, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними». Союз между римским папой и русским царем видится Соловьеву как правовая гарантия богочеловеческого дела. При этом он подчеркивает, что богочеловеческий процесс не допускает никакого насилия. «Мир не должен быть спасен насильно. Задача не в простом соединении всех частей человечества и всех дел человеческих в одно общее дело. Можно представить себе, что люди работают вместе над какой-нибудь великой задачей и к ней сводят и ей подчиняют все свои частные деятельности, но если эта задача им навязана, если она для них есть нечто роковое и неотступное, если они соединены слепым инстинктом или внешним принуждением, то хотя бы такое единство распрост-

ранилось на все человечество, это не будет истинным всечеловечеством, а только огромным "муравейником"» [6, с. 306].

Начиная с 1890-х гг., категория свободной теократии все реже используется мыслителем и заменяется понятием христианского государства. Согласно Соловьеву, сфера принудительного действия христианского государства отступает перед индивидуальной свободой и вместе с тем идет вперед, оказывая помощь в социальных бедствиях. «Правило истинного прогресса состоит в том, чтобы государство как можно менее стесняло внутренний нравственный мир человека, предоставляя его свободному духовному действию церкви, и вместе с тем как можно вернее и шире обеспечивало внешние условия для достойного существования и совершенствования людей» [3, с. 533]. Христианское государство жалеет голодных и больных, учит темных, принудительно обуздывает злоупотребления, оно милостиво к неверующим и не вмешивается в дела священства. «Как церковь есть собирательно-организованное благочестие, так государство есть собирательно-организованная жалость» [3, с. 522]. В отмене крепостного права в России Соловьев видел яркий пример гуманности государственной власти.

Социальные идеи Соловьева получили свою конкретизацию в философии права. В ней развиты идеи европейской классической философии права: Канта, Шопенгауэра, Гегеля, а также гуманистические традиции отечественной философии права. Специфику философии права Соловьева образует идея равновесия и гармонии, которая во многом следует из органического метода. Равновесие является характерным признаком права не только в материальном понимании его как совместности лично-общественных интересов, но и в формальном — как соединении личной свободы и общности (равенства перед законом), общего блага как минимума нравственности и принудительной внешней реализации. Исходя из этого Соловьев критикует как легализм, абсолютизирующий юридическое право, так и правовой нигилизм. По его мнению, «между идеальным добром и злою действительностью есть промежуточная область права и закона, служащая воплощению добра, ограничению и исправлению зла» [3, с. 446].

Он выделяет в праве следующие основания: во первых, — силу, ибо правом и его воплощением — государством обеспечивается действительная организация нравственной жизни человечества, которая предусматривает использование силы. Во-вторых, разум — основание естественного права. Первым в истории было обычное право как непосредственное выражение родового разума, в котором начала народной воли, действуя на непосредственное практическое побуждение, облекались в форму символа. Дальнейшее развитие собирательного процесса организации человечества приводит к росту личного начала, появлению свободного союза лиц, и источником права становится договор. Таким образом, третьим основанием права становится свобода.

Прогресс права и государства Соловьев связывает с переходом общества от управления на основе силы к управлению на основе закона. «Закон по существу своему есть общепризнанное и безличное (т.е. не зависящее от личных мнений и желаний) определение права, или понятия о должном (в данных условиях и в данном отношении) равновесии между частной свободой и благом целого, — определение, или общее понятие, осуществляемое через особые суждения в единичных случаях или делах» [3, с. 459]. Отличительные признаки закона — публичность,

но, нужна иная жизненная организация — нормальное общество, которое обеспечило бы благо человека в его целостности и абсолютности, то есть абсолютное благо, различное для каждого и учитывающее индивидуальные качества субъекта. Согласно Соловьеву, противоречия капитализма устранимы на почве христианского гуманизма. Возможность эксплуатации труда капиталом устраняется благодаря тому, что в нормальном обществе обладателями капитала становятся люди, определяющие свою деятельность нравственным началом и не злоупотребляющие своим преимуществом. Принципы христианского гуманизма вменяют в обязанность не превращать богатство в самоцель, требуют «жалеть трудящихся и обремененных и не ценить их ниже бездушных вещей». Касаясь принципиальной проблемы собственности, он стремится найти оптимальный подход в ее решении. С одной стороны, он признает наследственное право, имеющее своим основанием право собственности на землю. В то же время право собственности не носит безусловный характер и ограничено законной и моральной нормой: «Смысл права требует ограничения частного произвола в пользу общего блага», — пишет он [3, с. 435], подчеркивая, что социальный прогресс был ознаменован отменой двух форм собственности: рабства и крепостного права. Получение прибыли следует подчинить социальному и духовно-нравственному благу. Работник произведет гораздо больше, если будет работать с сознанием своего человеческого достоинства и с уверенностью в своей нравственной солидарности с обществом, которое не эксплуатирует его, а заботится о нем. Государство и общество должны гарантировать минимальный уровень материального благосостояния для всех.

Высказывания философа делают его очевидным противником радикального либерализма, но не приводят и в лагерь социалистов. Соловьев оговаривает, что неравенство — незыблемый принцип общества, и необходимость организации общества на началах любви и справедливости не предполагает установления экономического равенства людей, ибо «богатство есть необходимое средство для полной реализации личного достоинства и значения». Труд должен обеспечивать всем необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своем назначении должен преобразовать и одухотворять материальную природу. Обязанность человека — быть хозяйственным деятелем, он должен пользоваться своим превосходством над природой не только для своего блага, но и для возвышения природы.

Социальные искания Соловьева завершаются исследованием проблемы войны в работах «Оправдание добра» и в последней книге «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории». Проблема войны в контексте всемирной истории связана для него с решением частных проблем: нравственного отношения к войне, значения войны в истории человечества, отношения отдельного человека к войне. Решая ее, Соловьев пытается нравственно и исторически оправдать войну. Он толкует евангельские тексты в духе активной борьбы личности со злом. В государстве, применяющем силу, видится средство обеспечения необходимых условий для безопасной жизни. В этой связи морально оправдываются духовно-оборонительные и отечественные войны, нравственно оправдано и исполнение человеком своего воинского долга. Как историк Соловьев признает войну объективным фактором социального и культурного прогресса, формой деятельности государства, которая, несмотря на все свои ужасы и зло, способствует объединению челове-

ства. «Организация войны в государстве — первый величайший шаг к осуществлению мира». Война лучше всего объединяет внутренние силы каждого из воюющих государств и служит условием для последующего сближения самих противников. В истории раскрывается закон обратно пропорциональной зависимости между мирными результатами войны и затратами военных сил. С точки зрения Соловьева, «безусловно неправо только само начало зла и лжи, а не такие способы борьбы с ним, как меч воина или перо дипломата: эти орудия должны оцениваться по своей действительной целесообразности в данных условиях, и каждый раз то из них лучше, которого приложение уместнее, то есть успешнее, служит добру» [12, с. 640]. Вместе с тем, он критически оценивает возможности политики. Так, политическая деятельность Антихриста ему представляется только формой, маскирующей духовное и нравственное зло; политика имманентно связана с насилием. В «Трех разговорах» ощутимы эсхатологические чаяния, предчувствие катастрофических изменений в мире, что свидетельствует о появившемся в умонастроении Соловьева пессимизме.

В целом социальные идеи мыслителя выявили противоречие между стремлением к сохранению равновесия во всех сферах общественной жизни, воплощенном в философии меры, и идеалом свободной теократии, который проявился в «философии конца». По мнению Е.Н. Трубецкого, Соловьев разочаровался в способности тогдашнего русского общества приблизиться к идеалам вселенской церкви и теократии. Идеал свободной теократии не был понят ни в России, ни в Европе. Будущее человечества видится Соловьевым в последней и решающей схватке Запада с Востоком. В этой связи он рассматривал «грозу из Китая» (боксерское восстание) как начало осуществления своих предсказаний и писал, что с выходом на историческую арену дедушки Кроноса в лице китайца «конец истории сошелся с ее началом! Историческая драма сыграна, и остался один эпилог» [13, с. 306]. В беседе с С.Н. Трубецким Соловьев выразился так: «Нельзя бороться с Китаем, не преодолев у себя внутренней китайщины. В культе Большого кулака мы все равно за китайцами угнаться не сможем; они будут и последовательнее, и сильнее нас на этой почве» [14, с. 414]. Тогда же Соловьев говорил о грозящей опасности панисламизма, о возможном столкновении России с Западом, о безумных усилиях наших патриотов создать без всякой нужды очаг смуты в Финляндии.

Социальная философия Соловьева повлияла на многих русских мыслителей: С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского, А.С. Яценко, С.Н. Булгакова, Н.Н. Алексеева. Его идеи находились в русле поисков отечественной интеллигенцией третьего пути развития общества — между капитализмом и социализмом, в равновесии между индивидуальной деятельностью и коллективным благом, правомочием личности и ее правообязанностью, ценностями собственности и служения обществу, производительным трудом и охранением природы, интересами государства и достойным бытием человека. Эти идеи были актуальны в прошлом и остаются таковыми в настоящее время, являясь предпосылкой общества, сочетающего в своих основаниях национальные традиции и универсальные общечеловеческие ценности.

Литература

1. Сборник статей о В. Соловьеве. Брюссель: Жизнь с Богом, 1994.

2. Соловьев В.С. Идея человечества у Августа Конта // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
3. Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988.
4. Соловьев В. С. Смысл любви. СПб.: Художественная литература, 1994.
5. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. СПб.: Магия-пресс, Марс, 1995.
6. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Вторая речь // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль. 1988.
7. Соловьев В.С. Россия и Вселенская церковь. М.: МТПО «Фабула», 1991 (1911).
8. Соловьев В.С. Кризис западной философии (против позитивистов) // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
9. Соловьев В.С. История и будущность теократии. Т. 1. Загреб, 1887.
10. В. Соловьев. Письма. Пг., 1923.
11. Ященко А.С. Философия права Соловьева. СПб.: Сенатская типография, 1912.
12. Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988.
13. Соловьев В.С. По поводу последних событий. Письмо в редакцию // Вестник Европы. 1900. № 9.
14. Трубецкой Е.Н. Смерть В.С. Соловьева // Вестник Европы. 1900. № 9.